

УДК 316.443:316.344.42(06)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

© 2012 г. В. А. Чуланов, И. В. Князев

*Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*

В статье анализируется модернизационный потенциал современных политических элит России. Утверждается зависимость трансформационных преобразований от «качества» элит и конфликта за власть ресурсных групп российского общества.

Ключевые слова: социальная стратификация; власть; реформы; трансформация; элита; демократия; капитализм.

The article analyzes the modernization potential of nowadays political elite of Russia. Authors state the dependence of the transformational change on the «quality» of the elites and the on the conflict for getting power resource groups in Russian society.

Key words: social stratification; power; reforms; transformation; elites; democracy and capitalism.

В России исторически, в силу совокупности причин; геополитических, религиозных, социально-экономических, политических и многих других, сложилась этакратическая стратификационная система, которая с незначительными изменениями продолжает существовать и ныне. Масштабы и характер дифференциации (объём властных полномочий) в этакратической системе находится под контролем государственной бюрократии.

В России социальная стратификация основывалась, прежде всего, на политическом неравенстве и отношении к власти, а экономические факторы не являлись устойчивыми признаками социальной дифференциации и были лишь производными по отношению к политическим. Класс собственников не мог существовать как класс, независимый от государства. Всё, что происходит в экономике, определяется государством.

С развитием капитализма и буржуазных свобод в конце XIX — начале XX века, складываются предпосылки классовой стратификации. Но процесс классообразования в царской России так и не был завершён.

В Советском Союзе вновь возобладали

этакратическая система стратификации. Господство государственной собственности превратило подавляющую массу населения в наёмных работников государства, отчуждённых от этой собственности. Решающую роль в расположении групп на социальной лестнице играл их политический потенциал, определявшийся местом в партийно-государственной иерархии.

В советском обществе были уничтожены политические условия для существования экономических классов — их право на самостоятельность в любой сфере общественной жизни, на горизонтальные связи между собой и саморегуляцию. Исключение составляли правящие слои, сплочённые номенклатурной организацией и объединённые общностью групповых интересов. Все ресурсы, сколь угодно значимые для общества, находились в руках политического класса — чиновников. Слияние реальных партий и государства в единое образование «партия-государство» рождает единственного реального субъекта социальной активности в этом обществе — его высшие сословия — политическую, идеологическую, военную и хозяйственную

элиты. Все остальные сословия — а это подавляющее большинство общества — бессубъективны.

Перестройка в СССР и либеральные реформы в посткоммунистической России были проявлением типичной для отечественной истории «революции сверху», инициированной политическими элитами. Причины их были столь же типичны как и для всех предшествующих революций верхов. Основные из них — кризис системы, неспособной конкурировать с Западом в экономическом, технологическом, военном развитии, и как следствие — противоборство внутриэлитных групп.

Реформы 90-х годов XX в., направленные на «разгосударствление» всех сфер общественной жизни породили лишь предпосылки образования массовых групп политических интересов, разделённых устойчивыми экономическими интересами. Процесс этот не закончился, протекает медленно и затруднён тотальной маргинализацией российского общества, блокированием процесса формирования среднего класса, усугубляющейся имущественной поляризацией населения и высоким уровнем социальной напряжённости.

Опыт новейшей отечественной истории доказывает, что российское население в социальном отношении слабо стратифицированное, этнически и конфессионально неоднородное, не в состоянии самостоятельно представлять себя, защищать свои интересы от собственного имени. Его решающее влияние на социально-политические процессы выражается в поддержке идеи «сильной» власти, которая бы стояла над обществом и играла роль его попечителя. Однако как раз «сильное» патерналистское государство, как бы оно себя ни называло — самодержавием, «диктатурой пролетариата», президентской республикой, — представляет собой в условиях России политический фундамент независимой от народа власти и господства политических элит.

В целом за последние годы облик российского социума не только приобрёл резко поляризованный и мозаичный характер, усилилась атомизация общества, разрыв социальных связей между макрогруппами и внутри них. В результате сложившаяся социальная структура очень аморфна, а граждане

пассивны. В общественно-политических организациях и движениях состоит менее 1% населения, в отдельных общественных и политических акциях участвуют 2–3%, в выборах — 30–40% [11]. Да и партии, созданные демократическими группами общества, по сути, лишены возможности существования, поскольку не владеют ресурсами для того, чтобы противопоставить их ресурсам партий элиты на выборах. Весьма конфликтен потенциал межнациональных и межконфессиональных отношений. Словом, общество разрознено донельзя и максимально уязвимо пред лицом всевозможных социально-политических манипуляций.

Формирование реального гражданского общества и культуры участия, а, следовательно, и реальных массовых субъектов социально-политического действия едва ли возможно до возникновения значительного слоя граждан, автономных (прежде всего — экономически) по отношению к властям; а эта автономия в постсоветский период если не уменьшилась, то, по крайней мере, не увеличилась настолько, чтобы иметь существенное значение. Можно предположить, что в посткоммунистической России, как и в странах бывшего СССР, поведение масс ещё долго будет отражать, прежде всего, процессы на уровне элит и в этом смысле о социальных, массовых субъектах модернизации, о «гражданском участии» говорить пока не приходится.

Специфика процесса трансформации российского социума состоит в том, что важнейшим субъектом данного процесса был и ещё длительное время будет оставаться властная элита. Одна из основных причин этого — замедленность процессов классообразования и формирования гражданского общества. В противоположность им элитогенез, структурирование и позиционирование элит значительно опережают социогенез, формирование новых больших общественных групп и социальных слоёв. В силу этого новые элитные группы имеют значительную фору в выстраивании взаимоотношений между собой и с обществом и зачастую используют её в своих целях.

Вместе с тем в процессе своего структурирования постсоветское общество во многом сохраняет инерцию прошлых лет. Оно

олигархично: структурирование верхов не просто опережает структурирование низов, но стремится этим и ограничиться. Власть всё ещё «главнее» собственности, хотя во всё большей мере перетекает в собственность, и структурирование элит идёт в тесной связи с государством. Это накладывает отпечаток на весь процесс формирования гражданского общества.

Посткоммунистическая трансформация российского социума нередко рассматривается в обществоведческих дискуссиях как отражение процессов, происходящих в элитных группах с середины 80-х годов XX в. Цели, интересы, ценности, стратегия и тактика политических элит и контрэлит оказывают решающее воздействие на характер трансформационных процессов. Опираясь на факты, нельзя отрицать определяющей роли политических элит в трансформации России.

Отличительной чертой российской элитной организации стала «приватизация» институтов государственной власти кланово-корпоративными структурами: государство практически растворилось в политико-финансовых корпорациях [1]. Спецификой российских политических элит является то, что практически все они были рекрутированы из прежней советской партийной и государственной бюрократии.

Российский крупный финансовый и промышленный бизнес долгое время не был конкурентом бюрократии, поскольку формировался при решающей поддержке политического патронажа. Он не вырос «снизу» на базе свободной конкуренции и свободного рынка. Под лозунгом перехода к рынку была осуществлена не столько поддержка свободного предпринимательства и свободной конкуренции, сколько переход к открытым формам бюрократического капитализма. При этом всё более очевидным становится процесс взаимопроникновения новой бюрократии, сохраняющей за собой контрольные пакеты акций, и вновь возникающей экономической элиты.

Отношения внутри правящего класса за годы президентства Б. Ельцина приобрели стиль политического фаворитизма, сопряжённый с быстрой сменой ближайшего окружения президента. Смена лидеров политического истеблишмента не сопровождалась

какой-либо рациональной аргументацией. Граждане не без оснований воспринимали эти изменения как симптомы борьбы за власть и только.

По основным показателям ситуация в элитах при В. Путине сохраняет преемственность с периодом правления Б. Ельцина. К числу таких показателей относится высокая кадровая стабильность, сохранение «либерального меньшинства» и возобновление клановой борьбы в федеральном центре. Масштабная «кадровая революция», которую ожидали после начала правления В. Путина, не состоялась. Серьёзные перемены ограничились только руководством «силового» блока. Во всех остальных отрядах элиты процесс ротации проходит довольно медленно. Основные отряды элит сохранили достаточно высокую стабильность кадрового состава.

Другой тенденцией в изменении во внутренней структуре российских элит при В. Путине стал приток представителей бизнеса. По темпам роста представители бизнеса в несколько раз опережали силовиков в качестве источников пополнения политической элиты. Удельный вес выходцев из бизнеса в составе всех групп политической элиты (включая административную) за первые два года правления Путина вырос в шесть раз. Несмотря на более чем двукратное отставание от военных по удельному весу (соответственно, 11,3% и 25,1%), присутствие представителей деловых кругов в новом истеблишменте стало достаточно заметным [4].

Надежды, связываемые либеральной оппозицией с продолжением политических и экономических реформ в президентство В. Путина и затем Д. Медведева не оправдались. Малочисленная группа «либерально ориентированных» политиков (А. Кудрин, Г. Греф) была окончательно отстранена от власти. Процессы партийного образования направлялись и контролировались властями. А возможности демократических выборов, с установлением практики назначения региональных элит, сужены.

В демократических обществах естественным каналом воспроизводства элит являются выборы. В постсоветской России выборы также становятся механизмом обновления элит. Но парадоксальность ситуации заключается в том, что демократичность процедуры

выборов прикрывает всё то же номенклатурный принцип назначения чиновников, сложившийся в советский период. По мнению российского элитолога Н. Лапиной, «на первом этапе формирования российской элиты лестницей успеха был политический путь и выдвижение. Теперь преобладает назначение и административный путь» [5]. Автор приходит к выводу, что «период образования элит снизу завершается. Элита преимущественно формируется не всем обществом, а самой элитой» [5].

В западной и отечественной политологии довольно широко распространено утверждение, что именно несменяемость элит является одной из наиболее фундаментальных причин столь глубокого и затяжного характера российского кризиса [6].

При этом массовые интересы по-прежнему плохо артикулированы и не имеют должного политического представительства. Неудивительно, что разрыв между обществом и властью в ходе реформ только увеличился [3]. Новый правящий класс превратил свой политический капитал в такие ресурсы, как недвижимость, ценные бумаги, связи, деловые поездки за рубеж, заграничное образование для детей и внуков и т. д. Другими словами, не только богатство производит власть, но и власть сама порождает богатство для приобщённых к ней.

Отрекшись, по крайней мере, на словах, от старых идеологических клише, современная российская элита не смогла создать или ввести в своё сознание новые идеологемы, столь же сильные по своему эмоциональному заряду. Анализируя ценностно-идеологический компонент в публичных высказываниях путинской элиты, формируется достаточно чёткое убеждение, что в отсутствии целостной идеологической системы, так и не выработанной в постсоветской России, на роль объединяющих общество ценностей активно претендуют идеи «построения российской государственности», «целостности государства», повышения авторитета российского государства на международной арене, «сильного государства», порядка и стабильности. Изменились и сами методы определения национальных целей и интересов. Официальное декларирование национальных интересов России теперь фиксируется в ежегодном

Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Наднациональное берет верх над национальным, а всё последнее десятилетие наблюдается обновление элиты и передел собственности. Сейчас решается задача несменяемости нынешней элиты. Россия была и остаётся несостоявшимся государством несформировавшейся нации. И никакие модернизационные преобразования не выведут российское общество на новый современный этап развития без изменения самой идеологемы русской власти. Направляя людские, духовные и материальные ресурсы на цели наднационального самоутверждения, имперского расширения, гонку вооружений Россия может упустить шанс стать передовым, современным государством и обществом.

Да, безусловно, нынешний режим поддерживает стабильность. Но она, похоже, превращается в некую самоцель, а все прочие цели отодвигаются. В том числе и цели модернизации. Необходимо отдавать отчёт, что стабильность не статична, как при консерватизме, а динамична, то есть если назрели определённые реформы для развития и сохранения стабильности и порядка в субъекте, то эти реформы немедленно проводятся.

Внутри российской политической элиты наблюдаются две тенденции.

С одной стороны, наблюдается корпоративная интеграция элитных группировок, которая стойко препятствует появлению на политической авансцене нового поколения общественных деятелей, заинтересованных в дальнейших демократических преобразованиях, обеспечении регулярной ротации политиков на выборной основе [8]. Широко распространённая коррупция [2], криминализация правящего слоя из-за проникновения в него представителей теневой и криминальной бизнес-элиты; быстрое поглощение новоприходцев в органы власти сложившимся «истеблишментом», далёким от радикализма, способствует консолидации «правлящего класса».

С другой стороны, обостряется конкуренция между группами внутри её по поводу распределения власти, сфер влияния, собственности, капиталов и т. п. Нарастает понимание того, что в условиях глубокого экономического кризиса подобная конфронтация

подрыгает её же власть. Отсюда стремление к выработке общих правил политической «игры», поиск взаимных компромиссов и уступок.

Процесс смены элит в российском обществе ещё не завершён. Если рассматривать этот процесс под углом зрения «конкуренции» и «участия» (такой подход предложил Р. Даль в своей работе) [11], то обозначившуюся тенденцию можно условно представить по схеме: от «авторитаризма мобилизованного участия» к «конкурентной олигархии». Конкурентная олигархия — это разновидность элитарного правления, при которой формальные институты демократии используются в недемократических целях. Таков результат поверхностной демократизации при отсутствии механизмов демократического контроля над действиями властей снизу [10].

Итак, в России не состоялась смена элит в масштабе, необходимом для успеха трансформации. Некоторые исследователи считают именно это одной из главных причин кризисного развития [7]. Новая российская политико-административная элита ближе к номенклатурной, нежели к западному типу политико-административной элиты. Нет необходимого плюрализма элит, без которого невозможна консолидация демократии. Недостаточная кооперация между элитами препятствует интеграции и координации общественных интересов.

Вообще тип элитной структуры, формирующийся в России по мере «замораживания» её политической системы, слабо соотносится с экономической и политической модернизацией. Он не поощряет коренных изменений. Стремление российской политической элиты к стабилизации противоречит новым вызовам, порождаемым трансформацией.

Что же касается интересов российских элит, то по большей части они не направлены на разработку и реализацию новых планов и концепций экономического или политического развития, а вырождаются в простейший рефлекс, в реагирование с целью остаться на плаву и в крайне нестабильной ситуации удержать свои позиции или даже улучшить их.

Что касается деятельностных характеристик, то следует обратить внимание на то,

что современная политическая элита России так и не смогла «капитализироваться» и по-прежнему прибегает к административным методам в решении политических и экономических задач, направленным не на создание и приращение новых возможностей, а по преимуществу на передел и перераспределение имеющихся ресурсов. Доминирующей остаётся перераспределительная (или редистрибутивная) мотивация.

Можно констатировать, что российские реформы не состоялись как модернизационный проект. Преобразования были начаты и проведены традиционными советскими элитами при полном отсутствии «органической» буржуазии и соответствующих социальных структур, а потому развитие общества по соответствующим западным стандартам было невозможно в принципе. Чем более очевидна неудача модернизации, тем больше общество испытывает в ней потребность. Но становится необходимым не только резкое ускорение темпов модернизации, но и качественное изменение применяемых средств.

Модернизация в стране без развитой буржуазии и среднего класса возможна лишь на основе государственной инициативы. А это является условием развития авторитаризма. Полуавторитарный режим, в котором все значимые политические процессы «замкнуты» на личность главы государства, в течение непродолжительного времени может быть несомненным благом для страны — создать предпосылки и условия для всесторонней модернизации мобилизационного типа. Авторитарная модель может помочь модернизации страны на определённом этапе. Но в стратегическом плане авторитарный режим работает против инноваций, не только с точки зрения интеллектуального капитала, но и введения определённых технологий. Он ставит различные рынки и сферы деятельности под контроль тех или иных государственных или частных структур. Можно говорить о том, что авторитарный режим имеет какие-то перспективы, но он ограничен с точки зрения перспективы стратегической.

Можно уверенно заключать, что модернизационный потенциал того типа авторитаризма, который сегодня складывается в России, крайне незначителен. Потому что это не авторитаризм, устанавливающий единые

для всех правила игры и обеспечивающий их соблюдение, а авторитаризм, относящийся к правилам весьма избирательно и произвольно. Поэтому возможны такие вещи, когда президент выступает с либеральной предвыборной платформой, и одновременно ведёт предвыборную кампанию, которая ничего общего с либеральными принципами не имеет.

Главным условием успеха модернизационного проекта должна стать масштабная элитная ротация (прежде всего, в структурах президентской и исполнительной власти), создание каналов «вертикальной мобильности» — призыв новых кадров с иным набором личностных качеств и сверхличностных приоритетов. Но всё же ближайшие перспективы демократизации зависят не от того, как проявит себя общественность, а от изменения элитной структуры. Трансформация режима остается внутренней проблемой самой элиты.

Элитный застой и бюрократизация элиты на фоне «неконкурентной» политики (а предпосылок к этому в нынешней России немало) ведёт к ситуации «конца политического», когда властные решения носят непубличный характер, а управленческие процессы координируются из одного центра. В этом случае доминирующие элиты полностью теряют свой модернизационный потенциал, и в недалеком будущем может возникнуть феномен «путинского застоя».

Но успех модернизации России зависит не только от социальных признаков самой элиты, но и характера её взаимоотношений с сильноресурсными субъектами, прежде всего бизнес-элитой. По мере развития рыночных отношений и частнокапиталистического сектора в обществе, возрастает роль бизнес-общества, претендующего на приоритетные позиции в общественно-политическом процессе. Народившаяся буржуазия заинтересована в модернизации политической системы и в её демократизации. Отсюда, в ближайшем будущем, становится неизбежным конфликт между новым экономическим классом, ещё не совсем зрелым и не очень сильным и старым мощным политическим классом, более того все признаки этой борьбы уже проявились в сегодняшнем российском обществе.

Власть до сих пор не выработала чёткой модели взаимоотношений с капиталистиче-

ским классом, наметились лишь тенденции в развитии их отношений, позволяющие предположить возможные сценарии модернизации России. В президентство Б. Ельцина наиболее вероятным было превращение России в «олигархическую республику». Возможность этого варианта усиливается по мере сращивания властных и олигархических структур. Сегодня ни одна успешно конкурирующая на политическом рынке партия не может обойтись без своего «карманного» олигарха.

При В. Путине элита бизнеса была первым отрядом постсоветского истеблишмента, которая вошла в фазу институциональной реформы. В результате трансформации статуса политически автономные «олигархи» исчезли. Во взаимоотношениях федерального центра с элитой бизнеса началось утверждение «режима консультаций» (Совет по предпринимательству при правительстве, регулярные встречи членов бюро РСПП с Президентом).

В России утверждается моноцентрическая модель власти, которая не терпит наличия сил, неподконтрольных государству, а крупный бизнес является именно такой силой. В результате возможным сценарием развития становится установление контроля государства над экономическим классом, и государство опять вернётся в те же границы, в которых оно пребывало в советский период. Причём это будет касаться не только крупного бизнеса, но и среднего, и в каком-то смысле малого.

Следующий сценарий — развитие партнёрства. На самом деле, к России больше применима корейская модель, когда государство даёт задание частному бизнесу, и частный бизнес его выполняет. При этом бизнес контролируется государством и может быть уничтожен им тогда, когда государство сочтёт это необходимым. Реален и такой путь развития. Но и в том и в другом случае олигархический тип государства сохранится. При определённых условиях возможен сценарий, когда бизнес побеждает власть, покупает её, и власть работает только на крупный бизнес. Это уже реализовано в некоторых латиноамериканских и африканских странах. И наименее вероятный для России сценарий — власть и бизнес договариваются играть по открытым правилам.

В настоящее время отчётливо прослеживается наметившаяся ранее конкуренция бюрократии и бизнеса, борьба за власть. Набирающий общественный вес бизнес-слой не имеет действенного контроля над властью и представительства в ней. В. Путин установив жёсткие рамки взаимодействия с бизнес-элитой, лишает российскую демократию прочного фундамента. Именно буржуазия как никто другой заинтересована в демократических преобразованиях, как формы, необходимой для развития бизнеса. Не допуская бизнес во власть, мы имеем традиционные элиты, слабо заинтересованные в экономических преобразованиях и демократии. Власть продолжает видеть в бизнесе конкурента и скрытого врага. Однако капитализм как утверждение демократии, основанной на экономической целесообразности в России, так и не состоялось. Российское общество продолжает оставаться политическим. Идёт борьба за стратегии развития.

Что же касается взаимоотношений «элита — общество», то здесь преобладают элитократические тенденции. Свой вклад в них вносит и административно-политическая, и политическая, и бизнес-фракция российских элит. Пожалуй, можно говорить об усилении этой тенденции в последние годы. Она свидетельствует как о тяге к аристократизации, так и о постепенном угасании демократических тенденций, позволивших на волне «демократической революции» прийти элите к власти и завладеть собственностью. Последствием этого становится возникший в ходе реформ разрыв между элитами и обществом, являющийся основанием обнаружившейся демонстративной реформаторской иррациональности. Новый политический класс всё в большей мере стал ощущать свою самодостаточность. Он стал реальным субъектом построения особого мира. Необходимо отчётливо осознавать, что, в конечном счёте, успех российской модернизации зависит не только от элиты, которая к ней готова, но и от доверия масс к элите и к проводимым реформам. А восприятие масс не в последнюю очередь зависит от поведения власти.

Таким образом, можно сделать вывод: политическая элита России (нынешняя или будущая) не сможет построить хотя бы в общем виде либеральную общественную систе-

му. Будущее нашей страны — это авторитаризм с элементами демократии. Этого хочет не только правящая элита, но и основная часть народа. Надежда российского общества (в том числе правящей элиты) в конце 1980-х — начале 1990-х годов на быстрый и безболезненный переход к либеральному режиму не оправдалась.

Литература

1. Гаман-Голутвина О. В. Современная политическая элита России: факторы неэффективности. // Куда идёт Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. / Под общ. ред. Т. И. Заславской. — М.: Логос, 1999. — С. 253.
2. Диагностика коррупции в России: Аналитический отчет Фонда ИНДЕМ по итогам исследовательского проекта, поддержанного Мировым банком. — М., 2002. — С. 105.
3. Здравомыслов А. Г. Власть и общество в России: кризис 90-х годов. // ОНС. — 2000. — №6. — С. 25–34.
4. Зудин А. Российские элиты при Владимире Путине. [Электронный ресурс] / Электронная библиотека СКАГС. — Режим доступа: http://www.skags.ru/public_text.php?public_uid=310&topic_uid=31, свободный. — Загл. с экрана.
5. Лапина Н. Формирование современной российской элиты: проблемы переходного периода. — М.: ИНИОН, 1995. — С. 47.
6. Мусихин Г. Россия в Веймарском зеркале, или Соблазн лёгкого узнавания. // Pro et Contra. — 1998. — Т. 3. — №3. — С. 122.
7. Погорельская С. Постсоветская трансформация: взгляд из Германии. // Pro et Contra. — 1999. — №3.
8. Соловьев А. И. Специфика поведения российских элит в переходный период. // Полис. — 1999. — №3. — С. 39–41.
9. Старостин А., Понеделков А. Современные российские элиты: особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти [Электронный ресурс] / Портал ПОЛИТ.РУ. — Режим доступа: http://www.polit.ru/research/2004/03/24/polit_studies.html, свободный. — Загл. с экрана.
10. Шевцов Л. Политические зигзаги посткоммунистической России. — М.: Москов-

ский центр Карнеги, 1997.

11. *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1971.

Поступила в редакцию

05 февраля 2012 г.

Василий Александрович Чуланов — доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), заслуженный работник высшей школы, почетный гражданин г. Шахты.

Автор многочисленных работ по проблемам социальной стратификации, социологии управления, проблемам бедности и неравенства в современной России.

Vasiliy Aleksandrovich Chulanov — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, Higher education Honored member, freeman of Shakhty.

Author of numerous works, dedicated to problems of social stratification, sociology of management, poverty and inequality problems in nowadays Russia.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru

Игорь Владимирович Князев — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ). Автор работ по проблемам методологии социологических исследований, социальных процессов, структур и институтов.

Igor Vladimirovich Knyazev — Ph.D., Candidate of Sociology, docent of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch. Author's works are dedicated to problems of sociological researches' methodology, social processes, structures and institutions.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru